

А. А. Дарбеева

ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ИХ МЕСТО В ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЕ ПИСЬМЕННЫХ И БЕСПИСЬМЕННЫХ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Вопрос о месте интерферентных явлений в звуковой системе двух групп монгольских языков возник в связи с необходимостью определения степени влияния языковых контактов на процесс развития монгольских языков. Это в какой-то мере созвучно с общей проблемой алтаистики, касающейся алтайской гипотезы. По признанию некоторых ученых алтайская общность языков обусловлена не генетической связью, а длительными историческими контактами [7, с. 9-12]. Для убедительного подтверждения этой гипотезы, очевидно, необходимо исследовать проблемы языковых контактов на материале отдельных групп алтайских языков.

Современный уровень изученности монгольских языков позволяет рассмотреть этот аспект проблемы в предварительном представлении.

Монгольские языки, функционирующие в разных странах мира, находятся в постоянном контакте с иностранными языками на протяжении многих веков. Следы контактов нашли отражение на разных уровнях монгольских языков либо в форме прямых материально выраженных заимствований, либо в виде переноса некоторых черт иностранных языков. Каждый язык по-своему реагирует на эти иноязычные выражения, количество и качество которых зависят от языковых ситуаций, от характера взаимодействия контактирующих языков. Кардинальные различия в этом вопросе наблюдаются между двумя группами монго-

языков: литературно-письменные и бесписьменно-устные.

Изучение звукового строя монгольских языков выявило наличие в них интерферентных явлений, возникших под влиянием многоструктурных языков. Материалом исследования послужили два разных источника: 1) социолингвистический и 2) собственно-лингвистический. Билингвистический материал представляет собой данные по изучению контактного типа массового бурятско-русского, калмыцко-русского двуязычия монголоязычных народов СССР в сопоставлении с групповым неконтактным типом монголо-русского двуязычия монголов МНР.

Лингвистические данные собраны в процессе изучения фонетики литературно-письменных бурятского, калмыцкого и калмак-монгольского языков с одной стороны и бесписьменных дуусянского, баоаньского, монгорского языков — с другой.

Основной целью изучения было выявление иноязычных признаков в звуковой организации структуры слова в монгольских языках, т.е. установление проникаемых звеньев фонетической системы для иноязычного влияния.

В начале наблюдение проводилось на билингвистическом материале в ходе изучения влияния бурятского, калмыцкого и монгольского языков на процесс воспроизведения звуковой структуры русских слов различными национальными, социальными слоями монголоязычных билингов в их русской речевой практике. Затем поле наблюдения было переключено на родной язык монголоязычных билингов.

Использование в комплексе двух разнородных источников позволяет выявить сам процесс возникновения интерферентных явлений и проследить за динамикой их проникновения в фонетическую систему литературно-письмен-

ных монгольских языков. Нам представляется, что такой комплексный метод изучения данной проблемы очень четко высвечивает общую модель механизма влияния фонетики иноструктурных языков на монгольские языки.

Развитие массового национально-русского двуязычия среди бурят и калмыков в последние десятилетия XX века способствовало ускорению процесса преодоления билингвами интерферентных явлений в их русской речи. Это создало благоприятные условия для проникновения в бурятский и калмыцкий языки отдельных черт фонетики русского языка. Проводниками или переносчиками иноязычных фонетических свойств были новые лексические заимствования из русского и других языков, огромным потоком проникавшие через посредство русского языка в бурятский и калмыцкий частично в монгольский языки. Дело в том, что современные лексические заимствования, как правило, сохраняют звуковой облик языка-источника, тем самым нарушая фонетические нормы языка-реципиента. Таким образом, действенным фактором, способствующим переносу иноязычных свойств в звуковую систему монгольских языков является интенсивное развитие массового двуязычия среди основного контингента носителей монгольских языков через преодоление монголоязычными билингвами интерферентных явлений в их русской речи. Хорошее владение русским языком бурятами и калмыками создало реальные предпосылки для принятия неадаптированных форм лексических заимствований в литературные бурятский и калмыцкий языки. Следовательно, возможность принятия бурятским и калмыцкими языками неадаптированных и частично адаптированных форм русизмов, советизмов, интернационализмов, вошедших через посредство русского языка, зависела от степени развития бурятско-русского, калмыцко-русского двуязычия. В дореволюционный период, а также в начале формирования

звучания лексические заимствования подвергались полной звуковой адаптации. Например, слово конфета по-бурятски звучало: хампээд~хампеод, по-кальццк кампадь. В таких звуковых формах они были зафиксированы в старых словарях, но в современных, т.е. в словарях, вышедших в последние десятилетия, это заимствование представлено в виде конфетэ в бурятском, конфет в кальццком и монгольском языках. Примечательно является то, что в современных лексикографических работах отражены как адаптированные так и неадаптированные формы некоторых заимствований, т.е. два звуковых варианта лексических заимствований. Наличие полной, частичной и нулевой форм фонетической адаптации заимствованных слов русского языка, характеризуя разный уровень развития звучания среди бурят и кальццков, реально отражает этапы формирования условий для проникновения фонетических приемов русского языка в организацию звуковой структуры слов в бурятском и кальццком языках. Нулевая и частичная формы звуковой адаптации лексических заимствований свидетельствуют о состоявшемся факте проникновения фонетических средств русского языка в звуковую организацию структуры слов в привлекаемых монгольских языках. Конкретно это проявляется в том, что мощный поток новых слов, уже заимствованных и заимствуемых слов из русского языка и через его посредство, входит в новую языковую среду с полным сохранением звуковой оболочки языка-источника. Эти новые приемы диссоциируют фонетической норме монгольских языков. Суть нарушения проявляется в изменении обычной нормы дистрибуции гласных и согласных в потоке речи монгольских языков.

В вокализме наблюдается: I) нарушение гармонии гласных в словах типа: камера~камер; керосин, керогаз в бурятском и кальццком языках; Из них керосин суще-

ствуется в бурятском языке в адаптированной (хършин ~ кършин) и неадаптированной (керосин) формах. В устной бытовой речи чаще употребляется адаптированная форма. Наличие разных фонетических вариантов лексических заимствований указывает на разные периоды их вхождения в лексику монгольских языков. 2) В современных заимствованиях ^{наблюдается} также и стечение рядом двух гласных разного качества, которое чуждо фонетической норме монгольских языков. Сочетание гласных: оа в слове коалиции в бурятском, коалиц — в калмыцком языках; ао в словах типа какао; ау — каучук; еа — театр и т.д. является спецификой только лексических заимствований, проникших из русского языка в монгольские языки лишь в последние десятилетия. Монгольский язык имеет свои особенности. Академик Б.Я. Владимирцов указывал, что в калмыцком диалекте появилось стечение гласных уа под влиянием заимствований из китайского и маньчжурского языков [1, с. 301]. Китайзмы типа гуанз 'столовая', гута 'бахчевая культура' бытуют в современном монгольском языке.

1. Новые лексические заимствования вносят новое также и в дистрибуцию согласных в структуре слова, а именно в них встречается 1) стечение двух и более согласных в разных позициях слова, хотя монгольские языки имеют определенные ограничения в сочетаемости согласных. Литературно-письменным монгольским языкам обычно не свойственно употребление двух согласных в начале слова. При заимствовании слов со стечением двух согласных в начале слова либо опускался один из согласных (напр., Киптар 'скипидар' в калмыцком языке; башеба 'спасибо' в бурятском языке), либо вставлялся между этими согласными гласный элемент, например, булдуза вместо буза. Для современного периода характерно бытование ^в адаптированных и неадаптированных форм заимствований типа болок ~

блок, бйргадир ~ бригадир, дарама ~ драма ~ драм; дэрзйинэ ~ дэрзйин ~ дрезинэ ~ дрезин; двржйинэ ~ дружинэ ~ дружин. В бытовой речи употребляются обычно адаптированные формы, а в письменной форме литературного языка — неадаптированные заимствования. 2) Каждый из письменно-литературных монгольских языков имеет свои особенности в стечении согласных в инлауте и ауслауте слова. В бурятском языке возможно стечение не более двух согласных в середине слова и не допускает употребления рядом двух разных согласных в ауслауте. Эта специфика отражена в звуковом оформлении заимствований: заавтарак ~ завтрак, кантаракта ~ контракта; конторразвездкэ ~ контраразвездкэ, т.е. выражена тенденция к вставке гласного элемента перед последним из трех сочетаемых согласных. В связи с тем, что в калмыцком и монгольском языках развита редукция кратких гласных непоследних слогов, в этих языках особенно в калмыцком, наблюдается стечение трех и более согласных в инлауте и двух-трех согласных в ауслауте слова, и потому артикуляция слов, проникших из русского языка с подобным стечением согласных, не вызывает затруднения у калмыков и монголов.

2. суть нового в консонантизме проявляется также в изменении состава анлаутных согласных, т.е. в употреблении таких согласных, которые не свойственны началу исконно монгольских слов.

К их числу относятся консонанты: в, п, ф, ч, щ, к, л, п, р в бурятском языке; согласные: в, ф, щ, л, п, р в калмыцком и в, ф, щ, к, л, п, р в монгольском языках.

Перечисленные согласные употребляются в начале только заимствованных слов.

Все перечисленные инновации, проникшие из русского языка в литературно-письменные монгольские языки, наблюдаются исключительно в лексических заимствованиях и

не затрагивают звуковой структуры исконных слов, а также ранних заимствований из русского и других языков. Эти инновации, по существу представляющие собой интерферентные явления в фонетической системе бурятского, калмыцкого и частично монгольского языков, занимают периферийную позицию по отношению к исконной звуковой системе этой группы письменных монгольских языков, образовав особую подсистему, обслуживающую только группу заимствованных слов. Очевидно, этим обстоятельством объясняется то, что фонетисты, описывающие звуковой строй письменных монгольских языков, обычно опускают эту подсистему, как бы диссонирующую исконной фонетической норме монгольских языков.

Между тем это является явным упущением в системе описания звукового строя монгольских языков ибо процент подобных заимствований, как учтенных в словарях, так еще и не зафиксированных в них, довольно велик, особенно в бурятском и калмыцком языках. В современном монгольском языке их значительно меньше.

Фонетическая система бесписьменных островных монгольских языков: монгорского, дуолянского, баоаньского языков [4; 5; 6], которые на протяжении 7-8 веков контактируют с китайским и тибетским языками, подверглась сильнейшему влиянию фонетики последних. Изучение звуковой структуры словарного состава в этих языках показало два ряда явлений: 1) сохранение элементов фонетики древнего монгольского языка и 2) обновление фонетической и фонологической систем за счет использования фонетических элементов китайского и тибетского языков в звуковой структуре не только китаизмов, но также и слов монгольского происхождения.

Для этой группы языков характерным является то, что китаизмы и тибетизмы вошли в эти языки с полным сохране-

нием звукового облика языка-источника, а исконно монгольские слова трансформировались в соответствии с фонетической структурой слов языка окружения. Конкретно это выражается в изменении дистрибуции гласных и согласных в звуковом облике слова, изменении структуры слога.

1) В вокализме прослеживаются следующие изменения:

2) В монторском, дунсянском и баоаньском языках наблюдается разрушение гармонии гласных, т.е. не нарушение сингармонизма, как в заимствованиях литературно письменных монгольских языков, а разрушение самого закона гармонии гласных. Это явление было подготовлено самой фонетической системой данных языков, в которых отсутствуют переднерядные гласные ö, ü. Например: в бао мора, дунс. морэи 'река' <СНМЯ mören; дунс. ноке 'товарищ' СНМЯ nokür; монгор. сунёсе 'дух', 'душа' <СНМЯ yñhesin.

Однако исходной причиной разрушения гармонии гласных в бесписьменных монгольских языках послужило влияние китайского и тибетского языков, фонетической системе которых не свойственно явление гармонии гласных.

2) В дунсянском, баоаньском и монторском языках наблюдается стечение двух разных гласных, например: дунс. буа, бао, - дуар 'два', монгор. буёло 'вдвоем'; дунс. дундзу 'колодец' <СНМЯ undu; монгор. нондор 'товарищ' <nokür. Стечение разных гласных в структуре общемонгольских слов обусловлено влиянием преимущественно китайского языка, для которого характерно данное явление.

В консонантизме этой группы монгольских языков также заметно влияние иноструктурных языков в дистрибуции согласных. 1) В монторском и баоаньском языках наблюдается стечение нескольких согласных в начале слова [6, с. 39; 5, с. 18] в результате выпадения гласных первого слога, например, монгор. ндур 'высокий'; баобду <СНМЯ ondur; монгор. ндуге 'яйцо', бао. ндуге <СНМЯ ondugen.

Употребление двух согласных в начале слова характерно тибетскому языку. Дунсянскому языку, сформировавшемуся под влиянием китайского языка, не свойственно это явление, но в нем более последовательно выражено изменение структуры слога, тенденция к изменению закрытых слогов, посредством опущения конечных согласных слова, т.е. тенденция к идентификации со структурой слога в китайском языке. 2) Обращает внимание изменение в составе анлаутных согласных. Под влиянием китайского и тибетского языков в начале слова употребляются согласные: в (в бао. вар- 'держаться' <СЕМ барі-; верэ 'невестка' <СЕМ барі); л: (монг. ла- 'плакать' <СЕМ нула-, лавч 'листва' <СЕМ лавсін; дунс. лачин, бао. лабчоң, и т.д.); н: монг. наду 'крепкий', 'сильный' <СЕМ батн; бао. путоң 'весь', 'целиком' <СЕМ батан; дунс. путура- 'рассыпаться' <СЕМ батуга-).

Для монгурского и баоаньского языков характерным является употребление в анлауте заднеязычного ң, также не свойственное монгольским языкам. В монгурском языке употребление этого согласного наблюдается в трансформированных общемонгольских словах, напр.: СЕМ елззег дамо в монг. нге 'борта одежды' <СЕМ онззег развилось в монг. нгуо 'цвет', 'окраска'; 'внешний вид', 'наружность'. В баоаньском языке анлаутный ң встречается в словах типа нгоң 'зима'; нге 'седло', происхождение которых не совсем ясно.

Эти фонетические инновации бесспорных монгольских языков, в принципе нарушающие фонетическую норму монгольских языков, составляют специфику фонетической системы этой группы языков.

Факты иноструктурного происхождения, составлявшие интерферентные явления, в какой-то период развития этих языков перестали восприниматься как чужеродные, так как

они органически вошли в структуру воспринявшего языка. В целом это означает определенный отход от исконно монгольских черт фонетики и сближение этой группы бесписьменных монгольских языков с иноструктурными языками.

Отсутствие своей литературно-письменной формы языка в указанных бесписьменных монгольских языках открыло широкий доступ для вторжения иноструктурных элементов и обогащения их средствами, приемами тех языков, с которыми находились в длительном экономическом, духовно-идеологическом контакте. Аналогичное же явление отмечено и в тюркских языках китайского региона в исследованиях члена-корреспондента Э.Р.Тенишева. В языке сарыг-мгуров и саларском языке также прослеживается влияние окружающих их иноструктурных языков и прежде всего китайского языка [2, 3].

Сопоставление фонетических интерференций в литературно-письменных монгольских языках с элементами фонетических инноваций в группе бесписьменных языков китайского ареала обнаружило общность между ними в признаваемых звеньях фонетической системы для иноязычного влияния и глубокое различие в сфере действия этого нового в каждой группе монгольских языков.

Литературно-письменные языки развиваются за счет собственных потенций с умеренным использованием структурного материала контактирующих с ними языков.

Бесписьменные островные монгольские языки, интенсивно используя фонетические свойства китайского и тибетского языков, модернизируют звуковую структуру слов в соответствии с таковой в контактирующих языках.

Возможность подобного сближения разноструктурных языков на фонетическом уровне свидетельствует о том, что сходные языковые явления могут образоваться в процессе длительных контактов именно бесписьменных языков.

Литература

1. Владимирцов Б.Н. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
2. Тенишев Э.Р. Строй сарыг-ягурского языка. М. 1976.
3. Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М. 1976.
4. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М. 1961.
5. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М. 1964.
6. Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М. 1973.
7. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л. 1970.

Т.С.Есенова

МОДИФИКАЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ СЛОВА ВО ФРАЗЕ

В настоящей статье изучаются результаты анализа силы воздействия интонации фразы на просодию слова. С этой целью нами рассматривалась относительная интенсивность двусложных слов, находящихся в разных фразовых позициях: начале, середине, конце предложений, реализующих завершённый, вопросительный, незавершённый типы интонации. Материал состоял из 51 предложения, они максимально совпадали лексико-грамматически и различались только интонационно. Весь материал был записан в произношении носителей разных монгольских языков: бурят, монголов, калмыков (дербетов и торгуты СССР и КНР). Дикторы (по 2 на каждый язык) были носителями стандартного произношения, в возрасте от 29 до 55 лет. далее с магнитных лент были сняты осциллограммы, по которым определялись объективные характеристики гласных (интересующие нас слова содержали широкие краткие гласные). Все предложения были сгруппированы по типам интонации, а

внутри типов по позициям.

Анализ средней относительной интенсивности слов в разных фразовых позициях показывает постепенное уменьшение интенсивности слова в направлении Н-С-К. Однако обнаруживается определенное влияние интонации фразы на уровень интенсивности слова. Так, в конечной позиции при вопросительной интонации относительно высокий уровень интенсивности слова сохраняется, тогда как в завершенном типе наблюдается последовательное понижение интенсивности слова в целом, в котором проявляются универсально-языковые закономерности.

Изучение соотношения интенсивности гласных в слове обнаруживает любопытную картину, свидетельствующую о несовпадении динамической структуры слова в монгольских языках с таковой в индоевропейских, с одной стороны, и ее изменении в определенных фразовых позициях под воздействием просодии предложения, с другой. Остановимся на этом подробнее и рассмотрим динамическую структуру слова при разных типах интонации и в разных фразовых позициях.

Завершенная интонация. Соотношение интенсивности гласных в слове в разных фразовых позициях неодинаково. В начальной позиции во всех языках отмечается большая интенсивность второго гласного. В серединной позиции это соотношение нарушается в одних языках и сохраняется — в других. Так, в бурятском языке и во всех ойратских говорах интенсивность второго гласного по-прежнему остается больше интенсивности первого, т.е. наблюдается восходящая динамическая кривая, характерная и для начальной позиции. В монгольском языке гласным второго слога может быть интенсивнее первого гласного (диктор 2Mo), а может иметь и меньшую интенсивность (диктор 1Mo). В конечной позиции во всех языках регистрируется нисходящая динамическая кривая слова. Слово в этой позиции отража-

ет общий нисходящий рисунок движения интенсивности во фразе.

Вопросительная интонация. В начальной позиции при вопросительной интонации во всех языках в слове отмечается восходящий динамический контур. В середине фразы в бурятском и монгольском языках, а также в торгутском говоре Китая интенсивность второго гласного в слове больше. Данные калмыцких говоров противоречивы: в одном и том же говоре интенсивность второго гласного может быть и больше (диктор IDe), и меньше (диктор 2De и 2TCo), и равной (диктор ITCo) интенсивности первого гласного. В этих говорах слова, оказавшись в слабой позиции, не испытывая сильного влияния просодии фразы, проявляют определенную неустойчивость, приводящую то к выравниванию интенсивности, то сохранению большей интенсивности второго гласного, то ее уменьшению.

Картина меняется, как только слово сказывается в зоне сильного влияния фразовой просодии – позиции реализации интонационного центра. Во всех языках, кроме монгольского, интенсивность первого гласного превышает интенсивность второго. Особого внимания заслуживают факты монгольского языка, в котором динамическая кривая слова сохраняет свою восходящую направленность во всех трех позициях. Можно было ожидать подобную устойчивость слова в бурятском языке, поскольку эти языки, в отличие от западно-монгольских, имеют более жесткие сингармонические модели слова. Однако в бурятском языке обнаруживается более сильное воздействие фактора фразы, разрушающее динамическую форму слова в зоне реализации интонационного центра.

Для начала и середины фразы в бурятском языке и торгутском говоре Китая характерна восходящая динамическая структура, а для конца – нисходящая. В калмыцких гово-

рах как в середине, так и в конце интенсивность первого гласного может быть больше интенсивности второго, т.е. "нарушается" определенная схема движения интенсивности в слове, более строго соблюдаемая в бурятском и в особенности монгольском языках не в одной, а в двух позициях во фразе.

Незавершенная интонация. Как для начала, так и позиции середины фразы для всех языков характерна большая интенсивность 2-го гласного в слове. В конечной позиции соотношение интенсивности гласных меняется: гласный 1-го слога имеет большую интенсивность. В зоне динамическая структура фразы подавляет динамическую структуру слова. Она "уподобляется" движению интенсивности во фразе. Если динамическая структура слова из середины и в особенности начальной позиции не соответствует динамической структуре фразы, скорее вступает с ней в противоречие, то в конечной — полностью повторяет движение интенсивности, свойственное в целом фразе.

На основании проведенного анализа можно предположить, что динамическая структура слова в общем имеет восходящий характер, однако в зависимости от фразовых условий она может либо сохранять свой вид, либо изменяться. Она нарушается, когда слово попадает в зону сильного влияния просодии фразы — позицию реализации интонационного центра. В остальных она сохраняет свою восходящую направленность, демонстрируя определенную устойчивость к воздействию просодии фразы.

Восходящая направленность динамической кривой изолированно произнесенного слова уже отмечалась на материале ряда монгольских языков. Так, У.Н. Байтурой установлено, что в двусложных бурятских словах максимум интенсивности приходится на гласный последнего слога: $1,25 : 3,759$, отношение $36,5\%$ [1, с. 56]. Восходящая динамическая линия слова на материале хоринского гово-

ра бурятского языка подтвердилась в исследовании Б.И. Будаева: "...можно говорить о некоторой тенденции к большей интенсивности второго гласного по сравнению с первым" [5, с. 60]. В монгольском языке динамическая структура слова, видимо, также носит восходящий характер: "50% экспериментальных монгольских слов имеет равную или большую интенсивность последующих гласных" [6, с. 135]. В камышном слове наиболее интенсивным является, как правило, гласный последнего слога [4, с. 81].

Имеются свидетельства тюркологов о восходящей направленности динамической кривой слова в тюркских языках. Например, по данным М.К.Исаева, в 73% двусложных и 64% тресложных казахских слов обнаружена большая интенсивность конечного гласного [11, с. 9-10]. Подобная тенденция выявлена У.Б.Баймурой для турецкого и уйгурского языков, А.Орусбаевым - киргизского: "Результаты экспериментального исследования позволяют утверждать, что в современном киргизском языке в двух- и многосложных словах гласные конечных слогов обычно бывают интенсивнее гласных в предшествующих слогах" [18, с. 117]. Таким образом, обзор многочисленных параллелей в строе этих языков можно дополнить сведениями о динамической организации слова.

В монголистике уже была предпринята попытка интерпретации факта повышения интенсивности к концу слова. Монголисты-классики рассматривали это в качестве коррелята словесного ударения (А.Бобровников, С.М.Ковалевский, Б.А.Котвич, А.М.Позднеев). Такой взгляд, как нам кажется, сложился в силу того, что не учитывались взаимодействие просодических признаков слова и фразы, особенности механизма включения слова во фразу.

В языках, для которых характерно словесное ударение, фонетические признаки слова под влиянием фразы изменяют-

ся, однако "типично сокращение слогом своего ударения" [3, с. 61]; преобладание одного и того же слога по тому признаку, по которому определяется качество словесного ударения в этом языке, в основном сохраняется. В малайских языках во фразе наблюдается не только изменение динамической структуры слова, но и полная "смена" направления движения интензивности в позиции сильного проявления фразовой просодии. Следовательно, восходящая динамическая кривая слова является одной из фонетических характеристик слова в целом, а не отдельного слога: цельнообразованность слова определяется признаками, характеризующими просодику целого слова, а не его отдельных частей" [3, с. 13].

Согласно закону гармонии гласных, первый гласный слова должен быть более ясным, его фонетические качества более отчетливо выражены, чем у остальных гласных последующих слогов: "интенсивность более велика у первого гласного, который несет больше информации, чем другие" [3, с. 613]. На основании "Носители языка приписывают ударение первому гласному" [3, с. 613]. Вместе с тем анализ показывает, что в нуловом слове фонетические характеристики гласного второго слога выражены ярче. Значит, в слове имеются две сильные точки: фонетически важен первый гласный, а фонетически — второй. Создаются условия для равномерности гласных слова, которая реализуется во фразе в зависимости от типа интонации и позиции слова. Однако несмотря на функциональное тождество ударения и сингармонизма, полного совпадения между ними нет; нельзя не согласиться с Т.А.Вертагаевым в том, что "сингармонизм не является суперсегментом... по своей акустико-физической природе..." [3, с. 107].

Новый взгляд на эти явления представлен в работах Б.Б.Хасевича, считающего, что "наличие сингармонизма

служит предпосылкой отсутствия ударения как особой фонологической категории, и сингармонические языки проявляют предрасположенность к анакцентности более, чем какие-либо другие" [12, с. 17]. Уместно отметить, что, по мнению таких известных фонетиков, как М.И. Матусевич [15, 1978] и Л.Р. Зиндер [10,], словесное ударение не является универсальной категорией. А.Д. Джунисбеков [8; 9], руководствуясь идеей Л.В. Шербы о существовании языков, которые "выражают то же, что и мы, — иначе", сделал вывод об отсутствии ударения в казахском языке. В последние годы экспериментально-фонетические исследования все чаще приводят монголистов к заключению об отсутствии словесного ударения в монгольских языках: ни одно из акустических средств не дает оснований для вывода о качестве и месте ударения в этих языках. Так, вывод об анакцентности монгольского языка был сделан Л.К. Герасимович [7] и И.-О. Свантессоном [13].

Причины отсутствия словесного ударения в сингармонических языках кроются в грамматическом свойстве этих языков — агглютинации и, в частности, в том, что в таких языках слову не принадлежит центральная роль в языковом механизме [13, с. 54]. На наш взгляд, специфическая динамическая форма слова, свойственная монгольским, как и тюркским языкам, связана с агглютинацией (вспомним, что монгольские языки имеют "очень высокий индекс агглютинации и ничтожно малый индекс флексивности" [14, с. 166]). Агглютинация, благодаря которой словоформы в языке образуются посредством присоединения аффиксов к корню, а корень при этом не претерпевает изменений, способствует и сохранению самостоятельности слова. Слово в этих языках является более самостоятельной фонетической единицей, чем, например, в русском, где при формобразовании корень меняет форму, иногда меняется место уда-

рения. То есть "костяк" слова в них более жесткий. На более высоком уровне, уровне фразы и синтагмы, где слово занимает строго определенную позицию, "костяк" фразы также жесткий. Большая самостоятельность слова в агглютинативных языках приводит к тому, что тенденция подчинения фразовой просодии проявляется не так сильно, как, например, в флективном русском языке. Об этом свидетельствуют полученные нами данные о механизме вхождения монгольского слова во фразу и адаптации его просодической структуры в разных фразовых условиях. Оно сохраняет свойственную ему динамическую направленность в одних фразовых позициях и проявляет неустойчивость в другой — в зоне сильного воздействия просодии фразы, повторяя направление динамической кривой фразы. О столкновении тенденций слова и фразы в алтайских языках свидетельствуют наблюдения У.М. Байчурина: "в большинстве обследованных нами языков обычный мелодический рисунок предложения постоянно перебивается словесным ударением" [1, с. 288]: "словесное ударение может оказывать влияние на интонацию предложения, особенно когда слово находится в его начале..." [2, с. 200].

Различие языков по месту интонации в дифференциации функциональных типов предложения связано со строевой структурой предложения в данном языке [17, с. 38]. В монгольских языках, для которых характерна, с одной стороны, определенная "строгость" порядка слов, а с другой — использование частиц, различительные возможности интонации снижаются. Слово и в составе фразы стремится сохранить свою самостоятельность. Однако изучение динамики изменения интенсивности слова в разных фразовых позициях показывает, что на слово определенное воздействие оказывает интонация фразы, в состав которой оно входит. Это происходит по всей вероятности, в силу глобальности

функции интенсивности — служить цельнооформленности — в противном случае фраза будет "разваливаться" на отдельные сегменты. Благодаря подавлению и подчинению динамических признаков слова фразовым достигается необходимо единство фразы.

Таким образом, исследование динамического компонента интонации показало, что в монгольских языках в распределении этого коррелята интонации проявляются две тенденции, взаимодействием которых определяется динамическая структура фразы. Первая касается уровня слова, вторая — уровня фразы. Слово во всех монгольских языках в изолированном произнесении характеризуется восходящим движением интенсивности. Это же отмечается на материале тюркских языков и связано, по нашему мнению, с морфологической особенностью этих языков — агглютинацией, при которой слово, начинающееся корневой морфемой, может состоять из довольно большого числа аффиксов, не характеризующихся слитностью как с корнем, так и с другими аффиксами. Объединяются они в единую словоформу благодаря восходящей динамической кривой интенсивности, функция которой — цельнооформление.

Морфологические свойства монгольских языков обеспечивают относительно большую самостоятельность слова, проявляющуюся в условиях фразы. Для монгольской фразы характерна нисходящая динамическая кривая, направление которой определяется функцией интенсивности, а также акустической формой воздушной струи. На нисходящий характер движения интенсивности во фразе, как показал анализ, указывает уровень интенсивности в начале, середине, конце фразы, а также локализация максимума интенсивности во фразе. То есть на уровне фразы монгольские факты находятся в рамках универсально-языковых закономерностей, в то время как факты на более низком

уровне - уровне слов - противоречат им.

Слово, имеющее свойственное ему восходящую направленность интенсивности, попадая во фразу, сталкивается с противоположной тенденцией, регулирующей распределение интенсивности во фразе, и относительная большая самостоятельность слова в этих языках дает специфическую картину движения интенсивности в слове в разных фразовых позициях. Здесь можно говорить, вслед за Т.М. Николаевой, о большем или меньшем подавлении слова во фразе. Сильной точкой, в которой обнаруживается большее воздействие фразы, является конец, позиция сильного проявления фразовой просодии. В середине особенно наглядно прослеживается столкновение фразовой и словесной просодии: даже в одном и том же языке можно наблюдать как восходящую, так и нисходящую направленность динамической кривой слова. В начальной позиции, совпадающей с восходящей ветвью сонорной структуры фраз, сохраняется восходящая направленность кривой интенсивности в слове. С акустической точки зрения данная позиция является более "благоприятной" для гласного первого слога. Однако слово во всех монгольских языках и в этой позиции сохраняет большую интенсивность второго гласного слова, демонстрируя определенную устойчивость динамической структуры и в целом большую самостоятельность слова. Сказанное дает нам основание утверждать, что слово во всех монгольских языках проявляет относительную устойчивость к воздействию просодии фразы. Свойственная слову динамическая организация изменяется лишь в одной из трех точек фразы: в конце.

Так как интонация фразы образуется в результате взаимодействия словесной и фразовой просодии, адаптации слова в интонации фразы, интонационный рисунок фразы зависит от фонетической организации слова в данной языке. В этом смысле следует говорить не только о воздей-

ствии фразовой просодии на словесную, но и о специфике строения слова, создающей базу для проявления специфики интонации в данном языке. Таковыми чертами монгольского слова являются сингармонизм и неслитность частей слова, обусловленная агглютинацией и анакцентностью. Сингармонизм обуславливает некоторую монотонность речи носителей монгольских языков. Она проявляется как в нерезкопадении интенсивности от начала к середине и к концу фразы, так и в определенной инвариантности интенсивности гласных во всех монгольских языках. Однако степень варьирования интенсивности в монгольских языках различна и находится в прямой зависимости от проявления сингармонизма. Большая вариативность и соответственно больший объем динамического диапазона и большая частота появления максимума интенсивности в неначальной позиции западно-монгольских языков соответствуют большей свободе вокалического наполнения слова, характерной для этих языков. Обратное — меньшая вариативность, меньшая частота появления максимума в неначальной фразовой позиции, меньший динамический диапазон — характерно для восточно- и северно-монгольских языков, в которых законы сочетания гласных слова более жестки. Просодика фразы в монгольских языках формируется в таких условиях, когда каждый первый слог слова предопределяет фонетические признаки последующих, в частности, такие важные, как ряд и огубленность (за исключением западно-монгольских языков). Это создает условие для равногласности гласных. В монгольском слове нет ударных и безударных слогов, следовательно, нет и безусловного доминирования одного слога над другими. Вариативность характеристик гласных определяется не ударностью или безударностью слога, а в основном позицией в слове и во фразе, т.е. фонетическим контекстом.

Большая самостоятельность слова в монгольских языках, с одной стороны, крайне ограниченное использование такого средства связи, как согласование, с другой, благоприятствуют большей дробности членения речи, ее неслитности. Монотонные звуковые последовательности, довольно часто прерываемые паузами разной протяженности, формируют основные особенности речи монголов, бурят, калмыков.

Литература

1. Байчура У.Ш. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. М., 1962.
2. Байчура У.Ш. Инструментальные данные об ударении и интонации в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
3. Бертагаев Т.А. Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава слова // Вопросы языкознания. 1968. № 2.
4. Биткеев П.Ц. Словесное ударение в калмыцком языке и монгольском языке Тувы // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980.
5. Будаев Б.М. Акцентуация бурятского языка. Словесное ударение в хоринском диалекте. М., 1981.
6. Герасимович Л.К. К вопросу о характере ударения в монгольском языке // Вестник ЛГУ, 1970. № 14. Вып. 3.
7. Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение. Л., 1975.
8. Джунибеков А.Д. Просодика слова в казахском языке. Алма-Ата, 1987.
9. Джунибеков А.Д. Сингармонизм в казахском языке. Алма-Ата, 1980.

10. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.
11. Исаев М.Х. К вопросу о фонетической структуре слова в казахском языке (сравнительно с английским языком). Алма-Ата, 1970.
12. Касевич В.Б. Анакцентные языки и сингармонизм // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
13. Касевич В.Б., Шоельникова Э.М., Рыбин В.В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.
14. Касевич В.Б., Хонтоев С.Е. Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.
15. Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1978.
16. Мереккулеева А.Х. Фонетическая структура слова в разных фразовых позициях. Л., 1989.
17. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
18. Орусбаев А.М. Экспериментально-фонетическое исследование киргизского ударения // Вопросы языкознания. 1970. ... 4.
19. Övanteson B.-O. Phonetic correlates of stress in Mongolian // Proceedings of international conference on spoken language processing. Kobe, 1990. Vol. I.

Сокращения

Н	– начало фразы
С	– середина фразы
К	– конец фразы
Бу	– бурятский язык
Мо	– монгольский язык
Де	– дербетский говор калмыцкого языка
ТСо	– торгутский говор СССР
ТКи	– торгутский говор Китая
1,2	– номер диктора